

Александр Черкасов, член Совета ПЦ «Мемориал»

Тема политзаключенных становится популярной, можно сказать, модной в нашей стране не в первый раз. Так уже было в середине 60-х годов. Тогда всем почему-то казалось, что после XX съезда при Хрущеве всех освободили, а вот Синявского и Даниеля осудили – то куда же их отправят? Их, оказывается, отправили в места, где тысячи людей сидят в лагерях. В особых лагерях для особо опасных государственных преступников – так их определило само государство. Это были самые разные люди. Тысячи осужденных за высказывания, и тысячи осужденных за партизанское движение в Прибалтике и на Западной Украине. И тысячи осужденных военных преступников.

Тогда для узников совести были статьи 70 и 190 Уголовного Кодекса. Государство внутри себя признавало уголовную репрессию по политическим мотивам, как было сказано в письме Андропова в Политбюро от декабря 1975 – это средство защиты самих основ существующего строя. Но для всех внешних наблюдателей – это все были уголовники. Официально, наличие политзаключенных в СССР отрицалось. Почему? Как правильно отметил Сергей Давидис, наличие уголовной репрессии для решения политических проблем – это приговор власти.

Но, замечу, состав списка политзаключенных, которых выдвигает в качестве таковых оппозиция, также позволяет судить о том, что это за оппозиция. К сожалению, оппозиция смешивает сейчас несколько разных проблем.

В отличие от предыдущей докладчицы, которая выступала строго в рамках темы, я коснусь сейчас смежного сюжета. Проблема условий содержания. Эта проблема не связана с вопросами виновности и законности или не законности осуждения. Условия содержания не должны быть пыткой. Да, пожизненное заключение в современной России – это медленное убийство, но это смежная тема. Но она примыкает к нашей теме и вот почему. Условия содержания и сами места отбывания наказаний используются для давления на людей, для получения от них признаний, для фабрикаций дел. Чтобы предотвратить это учинялась реформа тюремной системы - отделение системы ФСИН от МВД. В самом МВД разделение Милиции общественной безопасности и оперативных структур. Но, все равно эта система фабрикаций дел работает. Это что касается реформы тюремной системы и системы МВД, а не нашей темы.

Вторая тема касается темы невинно или неправосудно осужденных вне зависимости от статей. Скажите, у нас вообще какие-то дела рассматриваются с соблюдением всех норм Уголовно-Процессуального Кодекса? И в советское время дело о краже двух метров плитуса рассматривалось путем избивания подозреваемого в околотке. В диссидентских лагерях, о чем неоднократно они писали, среди «уголовников» также была масса неправосудно осужденных. «Дело об изнасиловании активной пионерки» как отягчающее обстоятельство – это как? Но и это также все равно относится к теме реформы судебной системы.

Обозначу грань сегодняшнего обсуждения – это фабрикация уголовных дел по политическим мотивам. Важнейший элемент здесь – доказательство наличия политического заказа. Мы должны доказывать с помощью комплекса объективных обстоятельств, некоторое субъективное обстоятельство. Советская власть и здесь была немножко честнее, потому что за санкцией на осуждение трех человек в Питере по общеуголовным статьям в 1981 году КГБ обращался в ЦК, и об этом лежала бумага. Как же по такому большому комплексу дел, который мы рассматриваем сейчас, доказывать наличие этого политического заказа? А также объективные обстоятельства. Была ли фабрикация? Был ли избирательный подход? Было ли существенное нарушение процессуальных норм? Что помогает в понимании этого?

Например, предыдущая докладчица говорила, что в деле Аракчеева была отмена решений последовательно двух коллегий присяжных. Замечательно. По делу Ульмана в Ростове также было отменены решения коллегий присяжных. Ульман был пойман буквально на месте преступления. Он даже не отрицал участие в убийстве, в отличие от Аракчеева, который под следствием признавал свое участие, а потом стал отрицать. Кстати, упомянутый здесь

Никита Тихонов также в самом начале признался в убийстве. Он признавался не только при предложенном следствием адвокатом, но потом при своем, новом адвокате, тоже некоторое время признавал. Объективность обстоятельств совершенного преступления в упомянутых делах находится под очень большим вопросом.

По большинству дел в отношении людей, которых нам предлагается признать в качестве политзаключенных, мы имеем комплекс доказательств только с одной стороны. Со стороны защиты, если угодно. Да это большой и очень убедительный на первый взгляд объем материалов. Если бы нам даже предоставила полный объем материалов защита Ульмана или Буданова, то мы чувствовали бы себя также задавленными обилием аргументов. Полностью адвокатская позиция в делах подобного рода не кажется мне абсолютно верной. Адвокаты Тихонова и Хасис повторяют одно и то же из раза в раз, хотя многие их доводы были опровергнуты в ходе судебного заседания, но, кажется, общественность это убеждает. Позиция адвокатов потерпевших в подобного рода делах, где есть обвинения в убийстве и насильственных преступлениях против личности, мне кажется уместнее. Мы должны защищать не только неправосудно осужденных, но и одновременно интересы общества, которые состоят в том, чтобы был осужден действительно виновный. Нет, не должны приниматься просто так все аргументы защиты и сразу толковаться как сомнения в пользу обвиняемого.

Что такое доказательство с помощью материалов дела. Оно не может быть абсолютным. Оно относительно, но только в рамках разумного сомнения. В этом смысле вероятностный подход, о котором говорил Сергей Давиде, мне кажется очень странным. Какого черта вероятностный подход?! Извините, да, мы помогаем в защите людей, обвиняемых в насильственных преступлениях, но только в тех случаях, когда не только вне разумного сомнения находится их невиновность, но в основном в тех случаях, когда мы абсолютно уверены в их невиновности, в полной их непричастности к этим преступлениям.

Даже советская диссидентская традиция - не есть традиция абсолютного сомнения в действиях государства. Сергей Адамович может со мной сегодня поспорить, но, можно вспомнить дело о взрывах в московском метро в 1977 году. В них тут же обвинили диссидентов, диссиденты в ответ тут же обвинили КГБ, в том что, это он взорвал. Арестовали группу армян за этот взрыв. Пошли в самиздате статьи в защиту осужденных армян. Однако в Хронике текущих событий в сообщении о суде над этими армянами отсутствовал этот акцент – дескать, осудили невиновных. Тогда, в Советском союзе, с закрытого заседания Верховного суда (!) удалось получить достаточный комплекс материалов для того чтобы понять: да, с процессуальными нарушениями как в ходе следствия, так и в ходе суда осудили тех людей, кто собственно и взрывал самодельные бомбы в метро. Позиция абсолютного сомнения в не нравящейся нам точке зрения государства мне не кажется правильной. И по делу Аракчеева, и по делу Тихонова-Хасис просто необходимо работать со всем комплексом доказательств, а не только с тем, что нам настойчиво предлагают.

Последнее. Перед четвертым февраля, перед митингом, на котором предполагалось передать в администрацию президента список политзаключенных, туда пытались добавить еще 58 человек. Один известный телеведущий пытался получить от заключенных нальчикского СИЗО письмо, в котором они, осужденные за нападение на город Нальчик в 2005 году, требовали бы признания себя политзаключенными и выражали бы приветствие московским митингам. Те, в Нальчике, почему-то не захотели это письмо подписывать. Оно не прозвучало и, слава богу. Заканчиваю выступление так: давайте не делать эту важную тему инструментом сиюминутной политики.